

тазовой части фигуры, возможно, было на том предмете, из которого вырубили это изделие.

Второй предмет (размеры: высота 10,9 см, ширина макс. 3,9 см, толщина 1 – 1,5 мм) имеет признаки пола (мужские), головной убор в форме колпака, короткие руки опущены в низ.

Подобные по технике изготовления и толщине предметы – антропоморфы ранее были обнаружены в Сибири в ходе раскопок в бассейне р. Ляпин на культовом месте Сат-виклы [2] и в бассейне р. Аган на городище Старые Покачи 5 [3]. А также, культовая атрибутика из рубленого железа, в т.ч. – антропоморфы, обнаруженные этнографами в конце XIX – начале XX вв. на костюмах шаманов у разных народов Сибири (манси, ханты, селькупы, кеты, нарымские ханты, авамские нганасаны, энцы, илимпийские, забайкальские, енисейские и туруханские эвенки, долганы) [4, 5, 6]. Подобные предметы пришивались, подвешивались или прикреплялись ремешками к костюму шамана: плащу или нагруднику. Обнаруженные нами предметы видимо, пришивались к костюму шамана, или были положены в пещере как жертвенные.

Обращает на себя внимание факт, что у разных народов Сибири все железные рубленые антропоморфные фигуры практически соответствуют известным деревянным изображениям.

По всей видимости, во входном ходу Копейско-Зауральской пещеры обнаружено жертвенное место, или погребение хранителя священного места, а возможно, шамана или место укладки его костюма. Предварительно материалы датированы XVII – первой половиной XVIII вв. Этническую принадлежность данных предметов определить пока затруднительно, но предположительно – вогулы. Подобные предметы обнаружены на Урале впервые.

Примечание

1. Юрий В.И. Отчёт о разведках Сиксыз-Тамакской комплексной научной экспедиции на Южном Урале в 2004 году. – Челябинск, 2005.
- 2/ Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси. Культовые места (XIX – начало XX в.). – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 106-108.
3. Перевалова Е.В., Карачаров К.Г. Река Аган и её обитатели. - Екатеринбург; Нижневартовск: УрО РАН; Студия «ГРАФО», 2006. - С. 86-88.
4. Ависимов А.Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. – Изд-во АН СССР, М.-Л, 1958. – С. 167-187.
- 5/ Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX-нач. XX вв. // ТИЭ. Нов. сер. – М.-Л.; 1954. – Т.22. С. 64-68, 91-92.
- 6/ Иванов С.В. Скульптура народов Севера Сибири XIX – первой половины XX в. – Изд-во «Наука, ЛО, Ленинград, 1970. – С. 56-57,107,110,120,122-123,137,188-189,191-200, 257-258.

О.Н. Яхно

Екатеринбург

ЗИМНИЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ ГОРОЖАН В НАЧАЛЕ XX в.

Длительные зимние праздники вызывали смешанные чувства горожан еще сто лет назад. Несколько недель от Рождества до Крещения были заполнены балами, театральными спектаклями, визитами, маскарадами, гуляниями и т.д. Именно эти городские события дают значительный материал для описания в газетах. Обыватели, проводящие время в различных увеселениях, по мнению корреспондентов, только и были заняты нарядами, театрами, танцами, гаданиями.

Городские магазины предлагали всевозможные маскарадные костюмы, а также разнообразные аксессуары, например: «В магазине А. Р. Кронгольд Главный пр. д. Клушиной. Получены костюмы Японские

керимон (гейши) и китайские «Курмы» – длинные и короткие. Цветы балльные и маскарадные, боа из цветов. Перчатки, полумаски и разные другие модные товары» [1]. Описание костюмов, встречающихся на различных маскарадах, становилось частью городской хроники: «Состоявшийся 6 янв. в залах общ. собрания бал-маскарад прошел по обыкновению оживленно и при большом стечении публики. Состоявшийся 4 числа маскарад с танцами в Верх-Исетском театре привлек громадную и разношерстную толпу. За лучшие костюмы были выданы два приза. Какой-то господин явился в соломенном костюме, к слову сказать, весьма изящном, и получил приз. Из женских костюмов наиболее удачным была заря – белое платье со звездами и полумесяцем» [2].

Материал местной жизни подавался на манер столичной прессы, с таким же подробным описанием самих представлений или костюмов. Центральный общественный журнал «Семьянин» в февральском номере за 1894 г. предлагал отчет о прошедших балах, подробно рассказывая о самых удачных, ярких или оригинальных из них. Внимание корреспондента привлек бал Санкт-Петербургского общества архитекторов в пользу вдов и сирот товарищей. Все участники получили костюмы пьеро и пьерет. Дамам полагался еще и веер с изображением арлекина. Были танцы, игры и другие развлечения. «Сerpантин и конфетти. В одном из антрактов в зал выехали пять тележек полные цветов, громадных маков, астр, георгинов и др. Садовники раздавали каждой даме по цветку, подходящему по цвету ее шляпки. В отдельных киосках за крошечными столиками пили чай, ели мороженое; в цветущих беседках торговали шампанским, фруктами. В боковых залах шел аукцион картин и беспроигрышной аллегрии» [3].

Эта информация предназначалась специально молодым девушкам. В качестве модной новости шло описание самого интересного карнавального костюма: «Самый поэтичный и самый красивый костюм был «Море». Высокая и стройная артистка изображала эту стихию. На ней было надето зеленое атласное платье с очень длинным шлейфом и покрыто серебристым, струящимся газом, кончавшимся внизу широким «бульоне» из белых кружев, изображавших морскую пену. Талию обвивал два раза шелковый канат и на боку висел якорь, на плечах были маленькие маяки, на которых горели крошечные электрические лампочки. Роскошные белокурые волосы были напудрены, сгoфрированы волнообразно и распущены длинным струящимся потоком по спине. На голове среди волн из завитых передних волос был прикреплен маленький корабль с русским флагом. Жемчужины, раковины, кораллы и водоросли дополняли костюм» [4].

Такой материал был еще и средством воспитания провинциальных вкусов, так как местные издания отмечали скромность костюмов и простоту нравов обывателей: «Костюмы самые заурядные: какие-то татарки, цыганки. Какой-то клоун ходит переваливаясь, шуришит своим широчайшими панталонами. Показывается зима, королева, фигаро. Белый костюм с отпечатанными названиями газет. «Пресса». Читают самым бесцеремонным образом: дергают за рукава, ползают под ногами, желая прочитать на подоле. «Пермский край» расположился на самом видном месте – сзади. «Урал» – на груди, у сердца. Маска за собой возит привязанную игрушку – «Критика». «Уральская жизнь» ведет критику в образе собачки» [5]. Обычно на подобных балах организовывались буфеты с чаем, сладостями, прохладительными напитками. В качестве продавщиц были либо актрисы, либо инициативные барышни. В программу вечера входили театральная постановка, концертные номера, различного рода развлечения и танцы.

Традиционным становится проведение новогодних елок для детей и взрослых. Интересно сравнить, как дается объявление о предстоящем празднике, а затем и репортаж с него в газете «Урал». Накануне было объявлено об утреннем представлении для детей со спектаклем, «роскошно иллюминированной елкой» и подарками. Через несколько дней репортер своей статьей развеял столь сказочную картину. В отчете он сообщал, что «приспособили несчастное деревцо где-то вдали, в углу на сцене, осветили ее голые веточки несколькими электрическими лампочками. Затем гуськом подходила «ложная» (из лож) публика за получением рублевых презентов из-под елки. За ней «перворядная», кресельная. Какую бы доставила детям радость, если бы то же дерево, украшенное теми же безделушками, находилось посреди зрительного зала и окружающие его дети порезвились всласть, провели час-два времени в детских играх, танцах» [6].

Более умилительную картину рисует рассказ о музыкальном детском вечере в зале Маклевских. Дети были и зрителями и артистами, выступавшими на сцене с чтением стихов и рассказов, а также пением и танцами. «От души хохотала и взрослая публика над «лилипутами» – артистами, старавшимися казаться типичными, но это выходило у них комично – мило, так непринужденно наивно, что без чувства полной симпатии к их субъективности нельзя относиться» [7].

Естественно, что и для профессиональных артистов и музыкантов это был довольно напряженный период. Таперы и пианисты давали объявления о желании играть на вечерах и балах. В городских театрах частыми были гастроли различных артистов и театральных трупп. Газеты также не оставляли без внимания выступления в театрах: «Стоит только побывать на премьере или бенефисе какого-нибудь «любимца», и вы убедитесь, что публики у нас много. Оперетка явилась «героиней» сезона. Она явилась в виде почтенной годами и многоопытной, но все еще игривой и сильно декольтированной женщины» [8].

Со временем отношение продвинутой городской общественности к оперетте не сильно изменилось: «Опереточная труппа к рождественским праздникам оставила наш город и на ее место приехала из Самары драматическая. И театр снова стал храмом искусства, авторитетным глашатаем заветов истины. Он снова развертывает перед зрителями дивные картины <...> и вселяет маловерным надежды, правда на далекое, но все же таки возможное светлое человеческое будущее. От оперетки останется скоро одно воспоминание. Ее куплеты и игривые словечки и намеки понемногу забываются, милые образы «бедных овечек» и барашков мало по малу вытесняются образами живых людей, чудно воспроизведенными на этих днях приехавшей драматической труппой. Не доказывает ли это, что екатеринбуржцы вовсе не любители исключительно пьес с раздеваниями, и вообще «тру-ля-ля», делавших у нас сборы очень слабые, а гораздо более ценит серьезное искусство, когда оно поставлено на серьезную ногу» [9].
Магазин и собственная мастерская Е. Т. Нарицыной. (Златоустовская ул., д. Трапезниковой 6) предлагал французские цветы по последним парижским моделям, подношения для театра (корзины, венки).

Столь же серьезно и ответственно к встрече Нового года подошла администрация Верх-Исетского театра, которая ограничилась лишь спектаклем и танцами, вызвав недоумение у публики отсутствием алкогольных напитков. Корреспондент приводит подслушанный разговор о том, что в другом месте устраивается «елка для взрослых». «На елке навешаны мерзавчики. Чередуются с закуской. Мерзавчик и закуска – кусочек сыру, бутербродик» [10].

Как особое достижение отмечалось отсутствие каких-либо происшествий, «в смысле разного рода буйств, кровавых расправ и т. п. проявлений местного простонародного темперамента, подогретого обычными дозами крепительных напитков. Особая тишина на улицах города и даже В-Исетского 3-да царила в первый день праздника Рождества Христова, по случаю целодневного закрытия казенных винных лавок. На второй и третий день, хотя лавки и были открыты, но особенных буйств и безобразий тоже не было, и хотя было подобрано на улицах до десятка «мертвых тел», водворенных в каталажки при полицейских частях для протрезвления, на улицах было спокойно. Были, конечно, небольшие драки, непристойности и в каталажках ночевало в общей сложности до 35 чел., но это явления обычные» [11].

Сегодня мы с улыбкой можем читать объявление о курьезном новогоднем происшествии, представляя всю картину в реальности: «В день Нового года, часов в 5 дня, на углу Колобовской и Клубной ул. столпился народ, созерцая пьяную бабу, сопротивлявшуюся городовому, который стремился усадить ее на извозчика, но она, видя свое пленение, начала так кричать, так биться и вырываться, что ее крик отчаяния слышен был в ближайших домах, однако ее водрузили на извозничьи санки и в идее узла увезли с глаз долой» [12].

Рестораны и различные питейные заведения, естественно, также не были обделены вниманием почтенной публики, охотно проводившей в них свободное время. Новый год ознаменовался увеличением числа пивных лавок по Покровскому пр., в доме Субботина, Нурова, близ Каменного моста. Что касается выпивки, екатеринбуржцам выбор был предоставлен огромный: даже какой-то армянский князь (армяне и татары – все князья) открыл против отделения Ломбарда погреб «настоящих, Кахэтинских вин», а против театра торгует «тифлисский купец Чхубиани». Построить бы духан с продажей шашлыка [13].

Особой репутацией пользовался ресторан Залазаева: «Ресторан Залазаева, известный под названием «Медведь», торгует на славу, что не удивительно, т. к. это единственное место, где можно закусить даже и в полчаса второго ночи. К сожалению, помещается он в каком-то каменном мешке, длинном и узком; несмотря на это публика охотно посещает г. Залазаева, где цены невысокие и повар недурен» [14].

Через неделю этот ресторан сравнивали с одним из лучших петербургских ресторанов Палкина: «безукоризненная чистота Залазаевского «Медведя», благопристойность, веющая особенною от прочих ресторанов атмосферой – сулит ему хорошее будущее. В «Медведе» можно прилично отвести душу в приятном не кабацком времяпрепровождении. И даже зубочистки к вашим услугам. Теперь зубная мода – везде зубы чистят, кто как сумеет. У Холкина зубы чистят. В одном из столичных ресторанов зубочистку подают запечатанную; салфетка чистая тоже скреплена. С точки зрения санитарии подобные нововведения заслуживают всяческие похвалы» [15].

Если следование последним достижениям в области гигиены и санитарии активно пропагандировалось и поддерживалось, то упадок нравственности городских жителей в столицах и провинции вызывал у корреспондентов протест: «С наступлением сумерек, на нашем Главном проспекте можно наблюдать, как двигаются тени. Это тени обоих полов, выслеживающих друг друга. Особы «свободной профессии» шмыгают взад вперед, изображая из себя предложение. Особы «разных профессий» прогуливаются, озираясь во все стороны, изображая из себя «спрос».

Сильно поблекли патриархальные провинциальные нравы. Вечером, особенно в праздники, потягивает на нашей главной улице нездоровым столичным воздухом разных Литейных и Владимирских проспектов» [16].

Но видно, что репертуар зимних городских праздников сложился, обычным стал и их сценарий. Зарисовки с различных новогодних вечеринок примерно похожи на следующую: «На толпе отдыхает ум, успокаиваются нервы. Много публики сидит за столами, уставленными яствами и бутылками. За некоторыми столами никого не видно, но густая группа опустевших бутылок безмолвно свидетельствует о славном и так недалеком прошлом. Мужчины одеты по моде – сюртуки или пиджаки, крахмаленные груди, хвостообразные галстуки. Не отличишь интеллигенцию от простых. Но преобладают разные мелкие служащие торговых фирм, писцы, гранильщики. Маски снуют, сверкая разноцветными тряпками. Их угощают пивом. Многие искусно пропускают рюмку, не открывая лица. «Коська Что делаешь? Ты хочешь у меня турчанку отбить. Не моги. Я ей уже полдюжины выпоил. Мерзавец ты и с научной точки зрения прямо подлец». Коська мефистофелевски покручивает одной рукой усы, а другой силится открыть лицо у турчанки. Та со всего размаху бьет его веером по лбу. И все трое весело хохочут» [17].

И если не смотреть на даты газетных репортажей, то в какой-то момент может показаться, что написано про наше такое недалекое прошлое, а иногда и настоящее.

Примечания:

1. Урал. 1903. 2 янв.
2. Урал. 1903, 8 янв.
3. Семьянин. 1894. Т. I, ч. 2. С. 135.
4. Там же.
5. Урал, 1903. 4 янв.
6. Урал, 1903, 8 янв.
7. Урал, 1903, 4 янв.
8. Екатеринбургская неделя, 1896. № 7. С. 138.
9. Урал. 1903. 4 янв.
10. Там же.
11. Там же. 3 янв.
12. Там же.
13. Там же.
14. Там же. 11 янв.
15. Там же. 17 янв.
16. Там же. 22 янв.
17. Там же. 8 янв.